

ПАЛЕОЭКОНОМИКА НАСЕЛЕНИЯ ТОБОЛО-ИШИМЬЯ НА РУБЕЖЕ БРОНЗОВОГО И ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ

О.Ю. Зимина, В.М. Костомаров, С.И. Цембалюк

Статья посвящена хозяйственной деятельности населения междуречья Тобола и Ишима на рубеже эпох бронзы и железа. Рассматриваются основные тенденции развития хозяйства у населения постандроновского времени и переходного периода от бронзового века к раннему железному.

Палеоэкономика, эпоха поздней бронзы, переходное время от бронзы к железу, черкаскульская культура, пахомовская культура, сузгунская культура, иткульская культура, баитовская культура.

Реконструкции экономического уклада древних обществ посвящена обширная литература как методического, так и «практического» характера. Основные тенденции развития палеоэкономики обществ Западной Сибири в целом и Тоболо-Ишимья в частности рассмотрены М.Ф. Косаревым [1981, 1984, 1987, 1991]. Новые данные по археологии и палеогеографии позволяют проиллюстрировать, разъяснить и уточнить положения высказанной ранее концепции.

Специфику хозяйства поздней бронзы в Тоболо-Ишимской лесостепи определяли экономические традиции нескольких культур, генетически связанных с культурами андроновского мира.

Исследователи единодушно склоняются к мнению о превалировании скотоводства в хозяйстве носителей федоровской культуры в Тоболо-Ишимье [Зах, 1995; Стефанов, Корочкова, 2000; Матвеев, 2000]. Реконструкция палеоклиматической обстановки в регионе показывает, что андроновский период характеризовался наиболее засушливыми и теплыми условиями [Зах и др., 2008]: поселения находятся на пойменных участках и берегах небольших водоемов.

В лесостепном Тоболо-Ишимье федоровские традиции продолжают две культурные группы. В Притоболье это население черкаскульской (XVI–XIV вв. до н.э.) и пахомовской культур (XIV–XII вв. до н.э.), памятники последней представлены также в Пришимье [Корочкова, 1987; Матвеев, 2000; Костомаров, 2010].

Черкаскульские комплексы Притоболья, по мнению ряда авторов, относятся к финальному этапу в развитии андроновской общности [Матвеев, 2000; Костомаров, 2010]. Часть исследователей склонны отождествлять черкаскульцев Притоболья с андронидным субстратом эпохи бронзы [Корочкова, 2010]. Сходство климатических условий, при некотором усыхании и потеплении, фиксируемых для периода существования черкаскульского населения, да и данные, свидетельствующие о дальнейшем развитии форм хозяйства, присущего федоровским группам, дают нам основание делать вывод об андроновской линии развития в Притоболье.

Традиции пахомовского населения восходят к федоровской культуре, тем не менее в культуре и экономике пахомовских коллективов отмечаются определенные отличия. Экономика пахомовских групп базировалась на скотоводстве, но при значительно возросшем значении присваивающих отраслей. Если сравнивать с хозяйством федоровских групп, то доля домашнего скота оставалась весьма высокой, однако в составе стада увеличилась доля лошади (от 30 до 40 %), придающей мобильность стаду и самим людям, да и в целом являвшейся выгодным выпасным животным, которое могло обеспечить себя кормом в зимний период при помощи тебеневки. О мобильности стада говорит и увеличение доли МРС, практически до 1/5 его состава, а средняя доля КРС составила от 35 до 60 % [Матвеев и др., 2009; Матвеев, Костомаров, 2011]. В орудийном наборе пахомовской культуры присутствуют орудия, связанные с охотой, — концевые накладные на лук, наконечники стрел [Евдокимов, Корочкова, 1991; Корочкова, 2010; Матвеев и др., 2009]. Навыки металлообработки населения пахомовской культуры фиксируют: литейная форма, полученная при раскопках поселения Большой Имбиряй 10 [Матвеев и др., 2009], единичные большей частью функционально неопределимые металлические предметы, каменный предмет, интерпретированный как молоток для приковки бронзовых изделий, обнаруженный при раскопках селища Ук XIV (Ук 6). Если рассматривать металлопроизводство черкаскульской и пахомовской культур, то, по мнению специалистов, технология изготовления металлических изделий этих групп населения идентична [Дегтярева, Костомарова, 2011, с. 34–35, 43].

Обращает на себя внимание возросшее количество, по сравнению с андроновским периодом, рыболовных грузил двух видов: с одним желобком-перетяжкой и с перекрещивающимися желобками. Их насчитывается около 50 с пяти раскопанных поселений. Можно полагать, что рыбу ловили сетями с использованием разнотипных грузил, иные способы ловли не документированы.

Весьма интересна культурно-хронологическая обстановка с точки зрения оценки экономических линий развития пахомовских и черкаскульских общин в Притоболье. А.В. Матвеев предположил совместное чересполосное проживание носителей этих традиций, андроновской — черкаскульской и андронидной — пахомовской [2000, с. 15; 2007, с. 37–40]. В дальнейшем этот тезис был подтвержден материалами ряда памятников, в которых черкаскульский материал в разных пропорциях залегал совместно с пахомовским: так, на поселении Большой Имбиряй 10 данная пропорция составляет практически 1:1 [Матвеев и др., 2009].

С одной стороны, рассматриваемые культуры формировались на общей основе — федоровской, с другой — типы хозяйства у этих групп имели отличающиеся векторы развития. Скотоводческие коллективы поздних андроновцев вполне могли уживаться с представителями андронидного пласта на одной территории. Принцип совместного землепользования определялся, скорее всего, разделом экологических ниш и делением культурно-экономических зон. Так, носители пахомовской традиции осваивали залесенные участки, большие реки и водоемы, богатые рыбой, а черкаскульские общины предпочитали пойменные участки. Подтверждением тому, вероятно, может служить расположение памятников Ботниковского АМР: поселение Ботники 1 находится на берегу р. Исети [Матвеев, Чикунова, 1999], а черкаскульское селище Хрипуновское 1 — на берегу протоки Хрипуны в 1,2 км к югу от первого памятника. При этом на черкаскульском селище обнаружены фрагменты сосудов пахомовской культуры, а на пахомовском следов черкаскульских артефактов не выявлено [Костомарова и др., 2011]. Черкаскульские и пахомовские группы сосуществовали предположительно недолго, в пределах XIV — возможно, начала XIII в. до н.э.

По данным реконструкции климата, один из пиков усыхания и теплообеспеченности приходится именно на период существования пахомовской культуры [Зах и др., 2008]. В свою очередь, артефакты указывают, наоборот, на развитие промыслов, соотносимых в большей степени с лесными видами ландшафтов и более влажным климатом (охота и рыболовство). Скорее всего, это связано с зональным расположением лесов по берегам рек. Практически все пахомовские памятники локализованы в прибрежных зонах, где, скорее всего, и складывался специфический экономический уклад пахомовского населения.

Пахомовское население в Приишимье и подтаежном Притоболье в конце II тыс. до н.э. сменяют сузгунские группы, а в лесостепном Притоболье — носители бархатовской культуры. Экономика сузгунского населения была еще более ориентирована в сторону присваивающих отраслей [Потемкина и др., 1995]. Население *сузгунской культуры* существовало в относительно благоприятных условиях, сходных с теми, в которых обитало население предшествующего периода эпохи бронзы, однако при возрастающем уровне увлажненности, о чем свидетельствует расположение стационарных поселений с учетом сезонных колебаний уровня воды. Хозяйственный уклад коллективов этой культуры может быть охарактеризован как комплексный, многоотраслевой, в котором сочетались производящие и присваивающие отрасли. Ведущей отраслью было скотоводство, связанное с разведением крупного рогатого скота. Отмечается значительная доля лошади в составе стада и сокращение количества мелкого рогатого скота. Немаловажную роль играли охота и рыболовство [Косарев, 1984, с. 115–118; Потемкина и др., 1995, с. 104–106; Полеводов, 2003, с. 15–16].

Населению сузгунской культуры была хорошо знакома металлообработка, в числе домашних производств — керамическое, кожевенное, косторезное, ткачество [Косарев, 1984, с. 115–118; Потемкина и др., 1995, с. 104–106; Полеводов, 2003, с. 15–16]. На поселениях сузгунской культуры известны бронзовые дву- и однолезвийные ножи, наконечники стрел, долото, шилья, нашивные бляшки (с петелькой и штырьком), глиняные литейные формы (для отливки подвесок, нашивок, вислообушного топора с гребнем) и обломки тиглей, костяные наконечники стрел, проколки, концевые вкладыши для лука, наконечник гарпуна, псалий, каменные обломки литейных форм, оселки, грузила, орудия архаичных форм (скребки, проколки, наконечники) и др. [Полеводов, 2003, с. 15].

Систему жизнеобеспечения населения *бархатовской культуры* характеризует комплексное многоотраслевое хозяйство, основу которого составляло придомно-пастушеское скотовод-

ство с высокой долей лошади в составе стада, при заметной роли присваивающих отраслей. Об этом свидетельствует совокупность данных: комплекс остеологических остатков, орудийный набор, геоморфология поселений. Расположение поселков населения бархатовской культуры вблизи крупных рек, их притоков и старичных озер создавало условия для занятия рыболовством, предоставляло возможности использования пойменных лугов и террасовых пространств для заготовки кормов и выпаса скота, а прибрежные лесные массивы позволяли заниматься охотой и собирательством [Матвеев, Аношко, 2009, с. 220].

На неукрепленных бархатовских поселениях фиксируется высокая доля костей крупного рогатого скота. На позднем этапе бархатовской культуры, по материалам городищ, костные остатки лошади преобладают, что может свидетельствовать о росте мобильности стада [Матвеев, Аношко, 2009, с. 226–233].

На основании данных карпологии, палинологии и анализа пригаров из сосудов (зерна и отпечатки злаков) и инструментальному набору (орудия, напоминающие мотыжки, бронзовые однолезвийные ножи, песты, зернотерки) делается вывод о знакомстве бархатовских групп с земледелием [Матвеев, 1999, с. 104; Аношко, 2006, с. 14–15].

На наш взгляд, общие тенденции развития отраслей хозяйства населения эпохи поздней бронзы отражают материалы сузгунско-бархатовского городища Чеганово 3 [Зиминова и др., 2005]. По процентному соотношению домашних животных состав стада этого памятника сопоставим с составом стада у населения межовской культуры Зауралья конца бронзового века [Косинцев, Стефанов, 1989, с. 109]. Анализ остеологических остатков свидетельствует о преобладании костей домашних животных (85,5 %), что указывает на скотоводство как основную отрасль хозяйства. В стаде доминировал крупный рогатый скот (49,7 %). Доля лошади составляет 27,9 %, мелкого рогатого скота — 7,2 %. Соотношение домашних видов животных, в частности большой процент крупного рогатого скота, позволяет предполагать придомный тип скотоводства. Основным объектом охоты для обитателей Чеганово 3 был лось (12,8 %), кроме того, в коллекции в незначительном количестве (0,3 %) присутствуют кости кабана, косули, волка, зайца, выдры. Охота на пушных зверей, скорее всего, определялась внутренними потребностями.

Относительно большое количество диких видов животных, а также пропорция в составе стада допускают параллели в хозяйствах пахомовских и ранних бархатовских групп [Матвеев, 1999, с. 104–105; Матвеев, Аношко, 2009, с. 231].

Рост доли лошади в стаде в финале эпохи бронзы, по сравнению с предшествующим периодом, возможно, говорит о появлении новых методов выпаса скота. Не исключено, что некоторое изменение климатических условий (увлажнение) привело к долговременным половодьям и длительному стоянию воды в поймах, что затрудняло заготовку кормов на зиму. Возможно, в связи с недостатком запасов кормов население позднебронзового времени вынуждено было осуществлять выпас скота зимой в поймах, методом тебеневки, когда лошадь, разгребая снег, поедала верхушки травостоя, а крупный и мелкий рогатый скот — остатки [Косарев, 1991, с. 45].

Хозяйственный уклад населения Тоболо-Ишимского междуречья на рубеже бронзового и железного веков представляет собой лагуну — данные либо отсутствуют по объективным причинам (Притоболье), либо находятся в процессе обработки (Приишимье)¹.

Период, охватывающий конец IX — VI в. до н.э., маркирован в Притоболье *гамаюн-иткульскими*, а в Приишимье — *красноозерскими* комплексами. В Притоболье гамаянская культура представлена всего несколькими памятниками, из которых полностью раскопаны Андреевские 5 и 7 городища [Борзунов, 1992].

На памятниках гамаянской культуры Зауралья доминируют кости диких животных (75–80 %), остатки домашних составляют не более 20–25 %. Основными объектами охоты были копытные: на севере ареала культуры — лось и северный олень, на юге — косуля и лось [Косинцев, Стефанов, 1989, с. 109]. Рыболовство было более развито на севере и являлось сезонным подсобным промыслом, о чем свидетельствуют почти полное отсутствие ихтиофауны, малое количество рыболовных орудий (найжены главным образом на памятниках Лозьвы и Тавды), расположение поселений в верховьях и средних течениях небольших рек [Борзунов, 1992, с. 86].

Слабая насыщенность культурного слоя поселений *иткульской культуры* свидетельствует, скорее всего, об их недолговременном существовании. Расположение памятников на песча-

¹ В последние несколько лет получены значительные палеозоологические коллекции при раскопках поселений Мергень 6 и Марай 1, небольшая коллекция с поселения Мергень 2. Материалы находятся на определении.

ных почвах, не способствующих сохранению органики, в том числе остеологических остатков, не позволяет охарактеризовать хозяйство населения в этот период непосредственно, а лишь с привлечением косвенных данных и материалов с сопредельных территорий [Зимина, Зах, 2009].

Данные о хозяйственном укладе коллективов иткульской культуры Притоболья чрезвычайно скудны — единичные находки костей и зубов животных в культурном слое памятников (лошадь — Андреевское 7; лошадь, корова, собака — Вак-Кур 2; мелкий рогатый скот, лось — Карагай Аул 1/Б) — и не дают представления об основных отраслях хозяйства иткульского населения на рассматриваемой территории. Из домашних производств реконструируются: керамическое — по представительным коллекциям посуды; обработка дерева и выделка шкур — на основе трасологического анализа керамических скребков; бронзолитейное — по находкам тиглей, бронзовых изделий, сплесков бронзы, литейной формы. Видимо, занимались обработкой камня — на городище Андреевское 7 обнаружены скребки, ножи, наконечники стрел, выполненные из кремня и кремнистых пород [Борзунов, 1992], что, судя по всему, может отражать связь с гаманским комплексом Андреевских 5 и 7 городищ.

По материалам памятников иткульской культуры горно-лесного Зауралья исследователи реконструируют комплексный характер производственно-хозяйственной основы, сочетающей присваивающие и производящие отрасли. Хорошо документированы охота, скотоводство, рыболовство, металлургия, рудодобыча, обработка камня (изготовление тальковых литейных форм, прясел, грузил и т.д.), гончарство [Бельтикова, 1997, с. 7]. Остеологические материалы с уральских поселений иткульской культуры говорят о том, что в хозяйстве ее носителей большое значение имело скотоводство. Основными его объектами были лошадь (свыше 60 %), крупный (28,9 %) и мелкий (10,9 %) рогатый скот. Охота имела большее значение для жителей горно-лесного Зауралья, костные остатки диких видов животных на поселениях в этой части иткульского ареала составляют до 30–40 %, на лесостепных памятниках их количество достигает 20 % [Косинцев, Стефанов, 1989, с. 112]. Г.В. Бельтикова предполагает специализацию населения иткульской культуры на производстве изделий из металла, большие масштабы меновых операций, в которых в качестве меновых ценностей мог выступать и скот. В связи с этим охота как форма деятельности могла иметь весомое значение [Бельтикова, 1997, с. 7].

Учитывая данные уральских памятников иткульской культуры, можно предположить, что в хозяйстве населения восточного варианта иткульской культуры, локализованного в Притоболье, также присутствовали и производящие, и присваивающие отрасли. Высказывалась мысль о возможности скотоводства у населения восточного варианта иткульской культуры, о чем как будто свидетельствуют особенности планировки поселений — обширная свободная площадь в центре и ограждение поселков в основном неглубокими рвами и заборами, от которых остались слабовыраженные в рельефе валы [Зимина, Зах, 2009]. Подобные планировки отмечаются на сопредельных территориях в предшествующий период. Один из типов поселений андроновской эпохи, зафиксированный в Северном и Центральном Казахстане, — почти прямоугольное или овальное в плане поселение с большой незастроенной площадью в центре, предназначенной для содержания скота [Кузьмина, 1994, с. 70]. В этих же целях могли использоваться и большие постройки (8×15 и 7×14 м) на городище Карагай Аул 1/А (исследованное сооружение подобного типа не содержало очага, развалов сосудов и инвентаря) [Зимина, Зах, 2009].

Помимо прочего, поселения восточного варианта иткульской культуры расположены в подтаежной зоне — северной части лесостепной полосы. Эта территория характеризуется обширными лесными массивами (в настоящее время их площади сократились в результате распашки, застройки и пр.). Животный мир представлен разнообразными, в том числе промысловыми, видами: косуля, лось, медведь, лисица и др. [Бакулин, Козин, 1996, с. 72–78, 215]. Упомянутые виды животных являлись объектами охоты на данной территории и в эпоху поздней бронзы [Потемкина, 1985, с. 310, табл. 32; Матвеев, 1999, с. 105, табл. 1; Зимина и др., 2005, с. 70, табл. 2]. Данные палинологических исследований свидетельствуют, что ландшафтно-климатические условия Нижнего Притоболья в IX–V вв. до н.э., период функционирования иткульских поселков, были достаточно близкими к современным, примерно с VII в. до н.э. наблюдается тенденция к увеличению увлажнения [Рябогина, 2004]. В связи с этим, несмотря на отсутствие остеологического материала на памятниках переходного времени и начала раннего железного века, можно предположить значительную роль охоты в экономике иткульских коллективов Притоболья.

Палеоэкономика населения Тоболо-Ишимья на рубеже бронзового и железного веков

Вместе с тем в Нижнем Приоболье, особенно на левобережье р. Тобола, расположено большое количество проточных и полупроточных борových озер, идеально подходящих для сетевого и заборного рыболовства. Их проточность обеспечивают основные притоки Тобола — Тура, Исеть, Тавда. Эти озера привлекали население с неолита, что подтверждается высокой концентрацией памятников [Косарев, 1981, с. 215–216]. На рубеже эпох бронзы и железа изменение климатических условий (увлажнение, повышение уровня рек и озер) могло способствовать занятию населения рыбной ловлей. Косвенным свидетельством являются близкие геоморфологические позиции памятников рубежа бронзового — железного веков, неолита и раннего металла (например, многослойные поселения Юртобор 3, Ипкуль 8 и др.), на которых рыболовство документировано находками грузил. В комплексах восточного варианта иткульской культуры грузила пока не обнаружены. Лишь на поселении Ипкуль 8 найдено несколько экземпляров, отнесенных к раннему железному веку [Косарев, Зайберт, 1976, с. 74]. Мы предположительно связываем их с керамикой вак-куровского облика с этого поселения.

Таким образом, по комплексу главным образом косвенных признаков можно предположить, что в хозяйстве населения восточного варианта иткульской культуры сочетались производящие и присваивающие отрасли.

В палеозоологических материалах переходного времени от бронзы к железу Приишимья с памятников *красноозерской культуры* присутствуют кости домашних и диких животных, остатки ихтиофауны. В остеологической коллекции Ефимова 1, по сравнению с памятниками эпохи поздней бронзы, отмечается высокая доля костей диких животных (лося, косули, кабана, птицы). В стаде домашних животных доминирует лошадь, меньшую долю составляют крупный и мелкий рогатый скот [Археологическое наследие..., 1995, с.177]. По результатам предварительного анализа ранних раскопок на поселении Мергень 6 были выявлены подобные же фаунистические остатки [Колмогоров, Скочина, 2005]. Предметы инвентаря красноозерской культуры, обнаруженные на поселении Мергень 6 (бронзовые ножи и наконечник стрелы, пряслица, керамические скребки, значительный набор орудий из кости (наконечники стрел, тесла и т.д.)), позволяют также говорить о бронзолитейном и керамическом производствах, развитом косторезном деле.

По материалам южно-таежного и лесостепного Прииртышья, коллективы красноозерской культуры занимались разведением домашних животных (крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, последняя использовалась не только для получения мяса, но и для верховой езды). Однако основу их экономики составляла охота, преимущественно на копытных (косуля, лось). Остатки ихтиофауны присутствуют на памятниках красноозерской культуры, но орудия лова (гарпуны, грузила) единичны. Предполагается, что рыболовство являлось второстепенным промыслом, а рыба служила лишь дополнением к рациону населения красноозерских поселков. По косвенным признакам предполагается возможность знакомства с земледелием (роговые «мотыжки» с поселений Инберень V, Красноозерского и Ново-Троицкого 1) [Косинцев, Стефанов, 1989, с. 114–116].

Начало раннего железного века в Тоболо-Ишимье представлено комплексами *баитовской культуры* VI–IV вв. до н.э.

Основными источниками информации о хозяйстве баитовских групп являются палеозоологические материалы и орудия, а также данные о геоморфологическом и пространственно-территориальном расположении поселений. Как и поселения иткульской культуры, баитовские памятники отличаются слабой насыщенностью культурного слоя находками, бедным инвентарным набором и плохой сохранностью остеологических остатков. Тем не менее, учитывая, что баитовские коллективы обитали на тех же территориях, что и население предшествующего периода (конца бронзового века и переходного времени) и примерно в таких же климатических условиях, лишь с намечающимися тенденциями к увлажнению, похолоданию и увеличению лесных массивов [Рябогина, 2004; Зах, Рябогина, 2005], можно предполагать и сходный, многоотраслевой уклад экономики.

Анализ палеозоологических комплексов подтверждает наличие скотоводства в хозяйстве культуры. На поселении Ботниковское 1а, городищах Большой Имбиряй 3 и Боровушка 2 отмечены кости лошади, крупного и мелкого рогатого скота. В процентном соотношении доли лошади и крупного рогатого скота практически равны, с небольшим преобладанием лошади в стаде (соответственно около 40 и около 50 %). Мелкий рогатый скот составляет 15,7 % от общего количественного состава стада на поселении Ботниковское 1а и лишь 0,4–1,7 % на городищах

Большой Имбиряй 3 и Боровушка 2 соответственно [Матвеева и др., 2003, с. 151; Матвеева, Цембалюк, 2004, с. 235].

Скотоводство, по всей видимости, носило отгонный характер. В речных поймах, с их богатой разнозлаковой кормовой растительностью, летом выпасался крупный рогатый скот. Лошадь же и мелкий рогатый скот перегонялись на пастбища (летники). В настоящее время подобная система практикуется у казахов, которые проживают в аулах на юге Тюменской области. В поймах же, видимо, заготавливалось и сено на зиму, когда стада возвращались. Зимой крупный рогатый скот, возможно, содержался в загонах. Лошадь и мелкий рогатый скот продолжали выпасаться с помощью тебеневки. Так как данные животные способны самостоятельно добывать себе корм в зимнее время, то их содержание в условиях снежной продолжительной зимы было экономически выгодно [Цалкин, 1970, с. 162]. Правда, снежной зимой овце добывать траву труднее, чем лошади, так как овца может добывать корм из-под снега при толщине последнего не более 15 см. В то же время овца значительно менее прихотлива в выборе корма. Траву для заготовки сена, по всей видимости, собирали руками или с помощью ножа; специальных приспособлений (серпов) для жатвы травы на баитовских памятниках пока не обнаружено. Подобный тип скотоводства реконструирован по материалам синхронной большереченской культуры лесостепного Приобья [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 51].

Об использовании лошади для верховой езды свидетельствуют подпружная бронзовая желобчатая литая пряжка с прямоугольной рамкой и неподвижным шпеньком-застежкой, датирующаяся VII–VI вв. до н.э. [Матвеева, 1989, с. 96], нащечная бронзовая бляшка с заклепкой в виде запятой [Зах, 1996, с. 29–30].

На занятия охотой указывают единичные находки на памятниках костей диких животных — лисицы (пос. Ботниковское 1а), лося (гор. Большой Имбиряй 3). Косвенным доказательством развития присваивающих отраслей в хозяйстве баитовского населения можно считать локализацию значительной части баитовских поселков на площади останцов первой надпойменной террасы и других участков поверхности лесных пространств, богатых промысловой фауной [Матвеева и др., 2003, с. 151].

По имеющемуся в нашем распоряжении баитовскому инвентарю можно констатировать, что обитатели баитовских поселков занимались керамическим, металло- и деревообрабатывающим, кожевенным, ткацким и другими производствами. Занятие населения ткачеством восстанавливается по многочисленным находкам лепных и выточенных из стенок сосудов пряслиц. С обработкой шкур животных и дерева можно связать многочисленные керамические и единичные каменные скребки. Специальные исследования баитовских скребков не проводились, но исследования иткульских и саргатских экземпляров [Зимина, Скочина, 2002; Чикунова, Скочина, 2009], составляющих также многочисленную категорию орудий в инвентарных наборах комплексов, свидетельствуют о широком применении обломков посуды в качестве орудий и, что вероятнее всего, сходном их назначении, в том числе в баитовском обиходе.

Занятия населения металлургией и обработкой металла документируются обнаруженными на Носиловском городище и Ботниковском 1а поселении глиняными кирпичиками, медным ломом (мятые оковки деревянных сосудов), стенкой бронзового котла [Матвеева, 1989, с. 93; 1995, с. 77]. На баитовском Юдинском селище найдены обломки тиглей и литейной формы [Викторова, 1969, с. 9], на городище Большой Имбиряй 3 — обломок глиняного сопла, целое антропоморфное глиняное сопло, кусок бурого железняка. Для измельчения руды и твердых предметов, по всей видимости, пользовались каменными пестами. Такое функциональное назначение данного типа предметов зафиксировано для иткульской культуры [Бельтикова, Стоянов, 1984, с. 139]. На поселении Чепкуль 8б обнаружен обломок формы для отливки человекообразного идола, изготовленной из талькового камня.

Если рассматривать тенденции развития экономики в эпоху поздней бронзы и в начале раннего железного века, то, как уже неоднократно указывалось в литературе, отчетливо прослеживаются изменения экономической основы хозяйства населения Тоболо-Ишимья. С одной стороны, эти изменения непосредственно связаны с климатическими условиями, а с другой — с культурогенетическими процессами (рис.). В эпоху поздней бронзы хозяйство андроновского и андронидного населения (черкакульского, пахомовского и сузгунского) характеризуется, как указывалось выше, скотоводческой направленностью.

Климатические условия позволяли черкакульскому населению селиться в поймах. Размеры их построек свидетельствуют, что они явно рассчитывались на зимнее содержание скота,—

Палеоэкономика населения Тоболо-Ишимья на рубеже бронзового и железного веков

традиция, восходящая к алакульско-федоровскому домостроительству. В то же время у черкаскульского населения, жившего на подступах к горно-лесным областям Урала, отмечается существенная роль охоты в комплексном производяще-присваивающем хозяйстве [Матвеев, 2000, с. 34]. Однако если у черкаскульского населения лесостепного Притоболья в хозяйственном укладе еще отчетливо прослеживаются андроновские традиции, то у носителей андронидных пахомовской и сузгунской культур фиксируются черты комплексного многоотраслевого хозяйства.

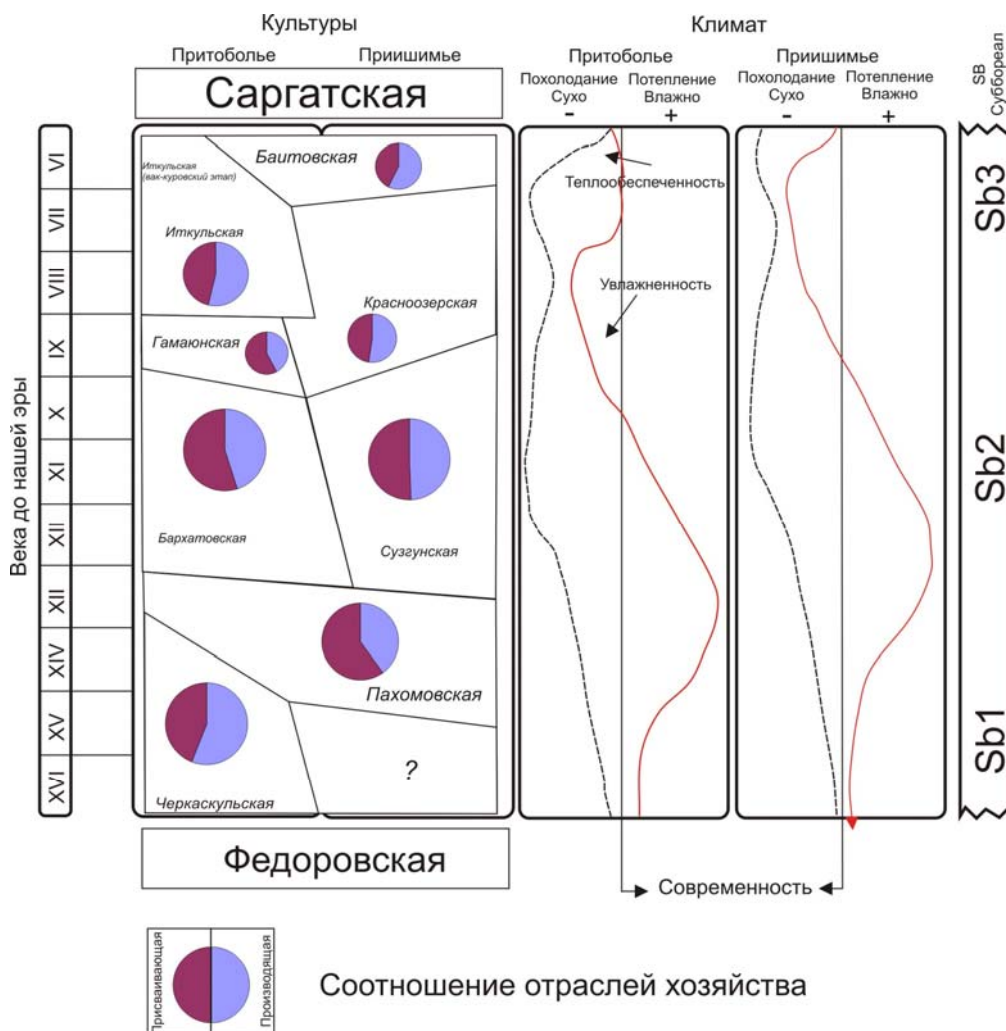


Рис. Примерное соотношение отраслей хозяйства культур рубежа бронзового — железного веков (по: [Косинцев, Стефанов, 1989; Матвеев, 2000; Стефанов, Корочкова, 2000; Зимица, Зах, 2009; Матвеев и др., 2009])

Во многом сходен с хозяйством андронидных культур экономический уклад бархатовских групп Притоболья. Вместе с тем в финале эпохи бронзы тенденции к увлажнению, подтопление пойм вынуждали население выбирать более высокие в геоморфологическом отношении участки. Тем не менее в финале эпохи бронзы коллективы бархатовской культуры переселились на участки высокой, 3–4-й надпойменной террасы, характеризующиеся открытыми луговыми пространствами [Матвеев, Аношко, 2009], возможно, не только по причине переувлажнения, но и по «политическим» мотивам — из-за проникновения инокультурного населения (на памятниках бархатовской культуры встречается гамаюнская посуда) [Там же, с. 337–338].

Следует констатировать недостаток палеозоологических данных для переходного периода от бронзового века к железнному и начала раннего железного века Тоболо-Ишимья. Как указы-

валось выше, по косвенным данным и незначительным палеозоологическим остатками можно предположить присутствие в хозяйстве населения иткульской, красноозерской и баитовской культур Тоболо-Ишимья и производящих и присваивающих отраслей (их примерное соотношение представлено на рис.²). Поселения вышеназванных культур в основном сконцентрированы на границе лесостепной и таежной зон, в этой связи следует согласиться с мнением М.Ф. Косарева, который считает, что многоотраслевое хозяйство на юге таежной зоны и в северной части лесостепи обладало большими адаптивными возможностями, позволяло постоянно менять количественное соотношение и производственную значимость разных своих сторон и звеньев [1987, с. 313].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аношко О.М.* Бархатовская культура позднего бронзового века Зауралья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2006. 25 с.
- Археологическое наследие Тюменской области: Памятники лесостепной и подтаежной полосы /* А.В. Матвеев, Н.П. Матвеева, А.Н. Панфилов и др. Новосибирск: Наука, 1995. 240 с.
- Бакулин В.В., Козин В.В.* География Тюменской области: Учеб. пособие. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1996. С. 103.
- Бельтикова Г.В.* Зауральский (иткульский) очаг металлургии (VII–III вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 23 с.
- Бельтикова Г.В., Стоянов В.Е.* Городище Думной горы — место специализированного металлургического производства: (Предварительное сообщение) // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1984. С. 130–144.
- Борзунов В.А.* Зауралье на рубеже бронзового и железного веков: (Гамаюнская культура). Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1992. 188 с.
- Викторова В.Д.* Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья: (Опыт систематизации археологических памятников): Прилож.: Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1969 // Архив КА УрГУ. Ф. III. Д. 89.
- Дегтярева А.Д., Костомарова Ю.В.* Металл позднего бронзового века лесостепного Притоболья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 1 (14). С. 30–45.
- Евдокимов В.В., Корочкова О.Н.* Поселение Пахомовская пристань 1 // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1991. С. 50–63.
- Зах В.А.* Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск: Наука, 1995. 96 с.
- Зах В.А.* Чечкино 1 — городище X–XIII вв. в Нижнем Притоболье // Тюм. ист. сб. Тюмень, 1996. С. 29–35.
- Зах В.А., Зими́на О.Ю., Рябогина Н.Е., Скочина С.Н., Усачева И.В.* Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск: Наука, 2008. 212 с.
- Зах В.А., Рябогина Н.Е.* Ландшафты и человек в среднем и позднем голоцене лесостепного Тоболо-Ишимья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 4. С. 85–100.
- Зими́на О.Ю., Зах В.А.* Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.
- Зими́на О.Ю., Зах В.А., Скочина С.Н. и др.* Городище Чеганово 3 в Нижнем Притоболье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2005. № 6. С. 58–72.
- Зими́на О.Ю., Скочина С.Н.* О назначении керамических орудий городища Вак-Кур-2 // Сев. археол. конгр.: Тез. докл.: 9–14 сент. 2002 г. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2002. С. 225–227.
- Колмогоров П.А., Скочина С.Н.* Археозоологическая коллекция с многослойного поселения Мергень 6 Нижнего Приишимья // Проблемы палеонтологии и археологии юга России и сопредельных территорий. Ростов н/Д: Изд-во ООО «ЦВВР», 2005. С. 39–40.
- Корочкова О.Н.* Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышь в эпоху поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987. 26 с.
- Корочкова О.Н.* Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург: УралЮрИздат, 2010. 104 с.
- Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 278 с.
- Косарев М.Ф.* Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М.: Наука, 1991.
- Косарев М.Ф.* Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 244 с.
- Косарев М.Ф.* Некоторые общие закономерности и региональные особенности социально-экономического развития Западной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 305–313.
- Косарев М.Ф., Зайберт В.Ф.* Поселение Ипкуль VIII // КСИА. 1976. Вып. 147. С. 68–75.

² Полученные исследователями данные нельзя в полной мере экстраполировать на все группы определенной культуры; кроме того, уральские и зауральские группы изучены неравномерно. Поэтому на иллюстрации представлены примерные, усредненные показатели.

Палеоэкономика населения Тоболо-Ишимья на рубеже бронзового и железного веков

Косинцев П.А., Стефанов В.И. Особенности хозяйства населения лесного Зауралья и приишимской лесостепи в переходное время от бронзового века к железному // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск: УрО РАН, 1989. С. 105–119.

Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири: культурная атрибуция, хронологическая и территориальная локализация: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 26 с.

Костомарова Ю.В., Костомаров В.М., Зевайкина И.С. Результаты исследования селища Хрипуновское 1 — нового памятника эпохи поздней бронзы и раннего железного века на территории лесостепного Притоболья // АВ ORIGINE. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011. Вып. 3. С. 4–33.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994. 464 с.

Матвеев А.В. Зауралье в конце бронзового века и распад андроновского единства // Наука Тюмени на рубеже веков. Новосибирск: Наука, 1999. С. 93–124.

Матвеев А.В. Лесостепное Зауралье во II — начале I тыс. до н.э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000. 50 с.

Матвеев А.В. Черкаскульская культура Зауралья // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень: Вектор Бук, 2007. Вып. 1. С. 4–41.

Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень: Тюм. дом печати, 2009. 416 с.

Матвеев А.В., Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 14. С. 46–55.

Матвеев А.В., Костомаров В.М., Костомарова Ю.В. К характеристике хозяйственной деятельности носителей пахомовской культуры лесостепного Зауралья // Вестн. ТюмГУ. 2009. Вып. 7. С. 3–14.

Матвеев А.В., Чикунова И.Ю. Поселение Ботники 1в на Нижней Исети // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. Вып. 2. С. 44–50.

Матвеева Н.П. Край в раннем железном веке и средневековье // История Курганской области. Курган: Изд-во Кург. гос. пед. ин-та, 1995. Т. 1. С. 76–131.

Матвеева Н.П. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 1989. С. 77–102.

Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Новые памятники бронзового и раннего железного веков. Новосибирск: Наука, 2003. 174 с.

Матвеева Н.П., Цембалюк С.И. Новый памятник баитовской культуры // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. С. 230–235.

Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 22 с.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской горы). М.: ПАИМС, 1995. 157 с.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. М.: ПАИМС, 1995. 107 с.

Рябогина Н.Е. Стратиграфия голоцена Южного Зауралья, изменения ландшафтно-климатических условий обитания древнего человека: Автореф. дис. ... канд. геол.-мин. наук. Тюмень, 2004. 16 с.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург: Полиграфист, 2000. 105 с.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы // МИА. 1970. № 161. 266 с.

Чикунова И.Ю., Скочина С.Н. Керамические изделия с поселения Муллашинские Юрты 7 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. № 10. С. 49–57.

Тюмень, ИПОС СО РАН
o_winter@mail.ru
vkostomarov@yandex.ru
svetac80@mail.ru

The article is devoted to economic activity of the population from the interfluvium of the Tobol and Ishim rivers at the turn of the Bronze and Iron Ages. Subject to consideration being main tendencies in the economic development of the population in the post-Andronovo time and transition from the Bronze to early Iron Age.

Paleoeconomics, late Bronze Age, transition from the Bronze to Iron Age, the Cherkaskul culture, the Pakhomovo culture, the Suzgun culture, the Itkul culture, the Baitovo culture.